

ХЕРУВИМСКАЯ ПЕСНЬ

В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ МИТРОПОЛИТА ИОНАФАНА (ЕЛЕЦКИХ)

Пособие для катехизаторов и миссионеров русских приходских школ

Варианты поливерсионного изложения херувимской песни

1. Мы все, херувимов тайно (*символически, духовно, неизъяснимо*) образуяще и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспевающе, всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем с ангельскими, невидимо копиеносными чинми. Аллилуя.
2. Мы все, херувимов тайно (*символически, духовно, неизъяснимо*) образ (*икону*) являюще и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспевающе, всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем, в сонмах невидимых, (*невидимо*) копиеносных ангелов. Аллилуя.
3. Мы все, херувимов тайно (*символически, духовно, неизъяснимо*) образ (*икону*) являюще и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспевающе, всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем во копьеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя.
4. Мы все, херувимов тайно (*символически, духовно, неизъяснимо*) образ (*икону*) являюще и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспевающе, всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем с ангельскими, незримыми и копьеносными чинми. Аллилуя.
5. О, мы все, херувимов тайно (*символически, духовно, неизъяснимо*) образ (*икону*) являюще и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспевающе, всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем, в сонмах невидимых, (*невидимо*) копиеносных ангелов. Аллилуя.
6. О, вы, что херувимов тайно образ являете и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспеваете! - всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем во копьеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя.
7. О, вы, что херувимов тайно (*символически, духовно, неизъяснимо*) образ (*икону*) являете и животворящей Троице трисвятую песнь *с ними* воспеваете! - всякое ныне житейское отложим (*да отринем*) попечение! Ибо *днесь* Царя всех примем с ангельскими, невидимо копиеносными чинми. Аллилуя.

+++++

Дополнительный материал по теме перевода херувимской песни читать на с. 2.

МИТРОПОЛИТ ИОНАФАН (ЕЛЕЦКИХ), кандидат богословия, духовный композитор.

Небо на земле или о значении и необходимости эстетики переводов богослужебных текстов.

*Богослужебное пение - это святоотеческая христология Церкви, поэтически "описанная" в литургическом словесно-мелодическом образе.
Митрополит Ионафан (Елецких).*

Более 200 лет в Русской Церкви продолжают попытки, адекватно древнегреческому прототипу, осмыслить и переложить на живые языки (русский, украинский и др.) византийский богослужебный гимн «Иже херувимы». Ещё в начале XX столетия Обер-прокурор Святейшего Синода Русской Церкви **Константин Петрович Победоносцев**, сам автор перевода Нового Завета на русский язык, был искренне уверен, что невозможно передать, по его выражению, «**безобразной русской фразой**» таинственный смысл и возвышенную красоту задостойника праздника Рождества Христова «Любити убо нам» и гимна «Иже херувимы», а, тем более, положить их переводы на ноты.

Несомненно, петь "сухие" академические тексты на богослужении - вещь неблагодарная. Но, очевидно и то, что при переводе византийских богослужебных гимнов требуется известная творческая свобода и поэтический стиль изложения. На этом настаивал один из выдающихся современных богословов-литургистов **о. Александр Шмеман**. Вот его суждение по этому вопросу в статье "Проблемы Православия в Америке. 2. Литургическая проблема".

"Большинство наших переводчиков, как видно, забыли, что основной «ключ» к богослужению — в первую очередь эстетического, а не рационального свойства, - пишет он. Литургические тексты — не только утверждения, богословские или нравственно-дидактические, с единственной целью выразить и сообщить мысль, заповедь, знание. Вернее, это и впрямь их цель, но достигается она иными средствами, чем в богословии и проповеди. **Эстетический элемент в богослужении — в литургической поэзии, музыке, обряде — не случаен, а существен;** он укоренен в самой природе культа, так что, лишаясь его, богослужение перестает удовлетворительно исполнять главную свою функцию — не просто сообщать идеи о Боге, но раскрывать «небо на земле», приводить человека в прямое соприкосновение с той Реальностью, адекватным и действенным символом которой бывает культ.

Эстетическая структура богослужения в нашей литургической традиции предельно существенна, ибо укоренена в православном осмыслении и восприятии Церкви как явления в этом мире Царства грядущего — конечной Реальности, которую Церковь провозвещает, и не только провозвещает, но и нас делает ее участниками. Конечно, богослужение имеет назидательную, или образовательную, функцию, можно сказать даже, что в известном смысле все богослужение есть научение, есть богословие, есть проповедь. Но научение это не просто неотделимо и неотличимо от красоты, но красота есть само его содержание и средство сообщения. Именно здесь проблема литургического перевода встает во всем своем реальном значении.

Две трети всех литургических текстов в нашей традиции составляют гимны, то есть поэтические произведения, предназначенные для пения. **Поэзия же, по определению, непереводаема, ибо смысл ее — в органическом сплетении строя, ритма и музыки слова**", - подчеркивал священник Александр Шмеман.

"Отсюда первое непреложное условие (перевода) : «уложить» византийский период в краткие утвердительные (керигматические) предложения, сгруппировав каждое вокруг одного четкого образа и опустив все слова и даже образы, которые «годятся» в греческом тексте, но разрушают английскую фразу", - пишет отец Александр Шмеман.

Не здесь ли - в полнейшем отсутствии поэтического начала таится причина появления "безобразных" академических русских, украинских, белорусских и иных новейших переводов византийских богослужебных текстов, о которых говорил г-н Победоносцев?

Для примера: встречается такой современный перевод по-русски тропаря праздника святого Богоявления: **"Когда Ты крестился, Господи, во Иордане, то появилось служение Троице..."**. Слушать этот церковный текст в храме вероятно будет психологически дискомфортно. Но, если изложить гимн по-церковнорусски, певчески-поэтически, сохранив к тому же традиционный порядок слов в начальной гласовой фразе, то он уже не будет вызывать внутренний дискомфорт: **"Во Иордане крещением Твоим, Господи, Троице явилось поклонение..."**. **Положительный певческий эффект начала тропаря налицо.**

Иными словами, должно иметь место некое правило переводов литургических текстов: для успешного переложения семантически непонятных византийских текстов на новые языки желательно следовать лингвистическому принципу т. н. динамического и поэтического эквивалента, пользуясь методом лексического расширения первоисточника, предпочтя его "сухому" вербальному академическому переводу "слово за слово", дабы искомый уяснённый текст "вписался" в мелодии обиходных сочинений, созданных на протяжении столетий распевщиками и композиторами Русской Церкви.

Несомненно, верный путь - ключ для перевода древних текстов был указан святыми Отцами и Учителями Церкви. Вот, что писал о принципах перевода с греческого во вступлении к апракосному Евангелию св. равноапостольный Кирилл, просветитель славян, будучи еще до монашества Константином: "Слова не были переданы слепо своими соответствиями. Потому что нам нужны были не (сами) эти слова и выражения, а их смысл. По этой причине, когда смысл на греческом и на славянских языках совпадал, мы передавали выражение тем же словом, но когда выражение было пространное или приводило к потере смысла, тогда, не теряя смысла, мы переводили его другим словом. Греческий в переводе на другой язык, - замечает святой равноапостольный Кирилл, - никогда не может быть передан одним и тем же способом, и это случается со всеми языками, на которые он переводится. Часто бывает, что слово, изящное на одном языке, не таково на другом, а имеющее важное значение на одном языке, не столь важно на другом... Поэтому не представляется возможным всегда следовать греческому выражению, но то, что должно всегда сохраняться, - это его смысл". (Цит. по книге Тахиаос А. "Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян"). **Мы бы ещё несколько уточнили - смысл богословско-историко-литургический.**

Для осмысления и удобного "певческого" перевода, например, херувимской песни необходимо непременно помнить, что христианский автор гимна провел смелую поэтическую параллель между триумфальным шествием византийского Императора в сопровождении эскорта воинов-копьеносцев, – с одной стороны, и торжественным входом духовенства в алтарь со Святыми Дарами – символами присутствия в общине Христа-Царя, несущими скрещенные **малые копыя**. (В храмах Русской Церкви иногда можно увидеть редкосную дореволюционную литографию, которая называется «Великий вход», на которой изображён Христос, грядущий в сонмах ангелов-копьеносцев).

Митрополит Антоний (Храповицкий) упоминает об этом византийском придворном церемониале в своём толковании смысла херувимской песни: "Иже Херувимы" -, пишет он, -

это беседа между стоящими во храме: они говорят друг другу "отложим всякое житейское попечение, потому что мы сейчас тайно образуем херувимов". "Дориносима" - обычно под этим понимают ношение повелителя на щите, но этого мало сказать: здесь надо иметь в виду еще и то, что впереди и сзади и по бокам от него рядами идут преданные ему люди (копьеносцы - авт.). И вот мы, **тайно образуя херувимов**, входим в их сонм, окружающий Господа".

По сообщению **церковного историка И.И. Соколова**, «военная терминология («дориносимо»= «копьеносимо») вошла в херувимскую песнь и берет начало из церемониала участия Императора в Великом входе.

Это было грандиозное шествие Императора, в окружении вооруженной варяжско-славянской охраны, богато облаченных византийских придворных, сотен священнослужителей, иподиаконов с иконами «херувимов» - рипидами, сотен чтецов и певцов, - красочная процессия, поражавшая воображение участников и зрителей своим блеском и великолепием!

"Сам чин Великого входа совершался следующим образом. Царь вместе со старшими диаконами шел к протесису (жертвеннику), где находились приготовленные для перенесения в алтарь дары (хлеб и вино). С правой и левой стороны Царя шли его телохранители и знатные юноши в парадном вооружении, а за Царем следовали диаконы и иереи с дарами и другими священными предметами, носимыми во время Великого входа". Затем Царь, опять же возглавляя процессию в окружении воинов-оруженосцев, на солее у алтарной преграды передавал их Патриарху.

Кстати, и в наше время в Западной Церкви во время богослужений с участием Папы Римского - суверена Государства Ватикан, последнего при входе его в базилику святого апостола Петра сопровождают швейцарские оруженосцы (копьеносцы). Это литургическая «дань» древней античной процессионной традиции, имевшей место в своё время и на православном Востоке в константинопольском храме Святой Софии. (Папа Франциск отменил этот символический древний обычай. В православной русской традиции священники, с малыми копьями в руках, продолжают сопровождать и окружать Святые Дары перед царскими воротами алтаря на Великом входе литургии, хотя смысл этого символического действия почти забыт. Примечание сайта).

Почему же слово «дориформуменон» осталось непереведённым?

Вот что пишет **литургист Андрей Десницкий**: "Слово «дориносима» соответствует греческому «дориформуменон» — нетрудно заметить, что первый элемент слова, «дори» (копье) остался непереведённым. Это слово означает «в сопровождении стражи копьеносцев» — именно так на придворных торжествах появлялся византийский император. Однако славянам этот обычай был неизвестен, точный перевод был бы всёравно непонятен (и потому неуместен) и славянские переводчики предпочли оставить в тексте некоторую загадку, которая изначально требует комментария. Думаю, что в этом случае они были совершенно правы".

О необходимости внесения исправлений в текст херувимской песни в соответствии с историческим контекстом её возникновения (поздняя античность) писал киевский специалист по греческому языку и восточной литургике **диакон Андрей Глушенко** (УПЦ МП) в статье "Классические» ошибки в восприятии православного богослужения»). В переводе Херувимской для правильного понимания вместо славянского «под'Имем» (не «подЫмем» – авт.) необходимо поставить славянское же «приимем», - пишет отец Андрей.

Иначе... будет сохраняться нежелательная ассоциация с совершенно неверным толкованием о «ношении на копьях». *Нуродехотаі*, напомним, означает именно «принимать», особенно «принимать у себя гостя», или «принимать в себя». Славянское слово «подъяти» имеет такое же значение, как и (соответствующее) слово в греческом оригинале — «принять в себя», и перевод, конечно, правильный, однако сейчас это слово просто неотличимо от русского «поднимать», которое нужного значения не имеет вовсе".

Так понимали выражение "под'имем" и в византийской древности: «Когда поется Херувимская песнь, - рассуждал патриарх Герман, - с того времени все возбуждаются к прилежнейшему вниманию, даже до конца священнодействия, отложив долу всякое житейское попечение, яко Царя великого имущие восприть в себя, через тайну Причащения».

Однако, русские староверы (и армяне) вопреки энциклопедическим западным словарям настаивают, что *Нуродехотаі* надо понимать в значении "поднимать", а не "приинимать". По их убеждению на Великом входе, Господь, будучи евхаристической жертвой, как "Царь всех" христиан таинственно грядет, восседая на херувимах в окружении невидимых сонмов копиеносных ангелов. Вероятно, такой взгляд сформировался под влиянием древнего обряда коронации византийских Императоров-Василевсов, который совершался на щите, приподнятом воинами.

Таковому обычаю есть вещественное подтверждение: на миниатюре Мадридской рукописи Хроники Иоанна Скилицы (5-3. № 2) запечатлена коронация константинопольским Патриархом византийского Императора Михаила Первого в 811 году, при этом оба, и Патриарх, и Василевс, стоят на приподнятом воинами щите в окружении множества придворных и трубящих музыкантов. (См. изображение миниатюры коронации из книги: Г.Г. Литаврин, "Как жили византийцы", издательство "Алетейя", Санкт-Петербург, 1997 г., с. 63. Серия Византийская библиотека. Исследования. <http://vladyka-ionafan.ru/events/2019/12/16-0>.)

Современные богословы-лингвисты, всё же, полагают правильным переводить *Нуродехотаі* в значении «принимать», «принимать в себя». Однако, с учётом всего сказанного, видимо, возможно сделать согласительный практический вывод, что оба перевода херувимской с глаголами "подыдем - приимем", и, следовательно, обе версии понимания херувимской, имеют исторически равное литургическое достоинство.

По замечанию специалиста славянской поэтики **Ольги Седаковой**, возвращение к правильному значению сопряжено с "ломкой" устоявшейся традиции. "Это вопрос, - пишет она в статье "Церковнославянский язык в русской культуре", - ... общеисторический, общекультурный. В какой-то момент историк выясняет, что изначальное значение того или другого изменено, и в таком измененном, искаженном виде продолжается много веков. Что здесь делать? Настаивать на возвращении к правильному началу? **Но само это искажение (греческого текста в церковнославянских переводах - авт.) может быть плодотворным, может принести интересные плоды...**" "Священное слово – сильное слово. И Русское обыденное слово как бы заведомо этой силой не обладает. Оно может приобрести её в поэзии, – но здесь, как говорится, должен «человек сгореть», должен действовать личный гений", - уверена г-жа Седакова в вышеназванной статье, парадоксально, но **перекликаясь с отцом Александром Шнеманом.**

Резюме

Богослужбное пение - это святоотеческая христология Церкви, поэтически "описанная" в литургическом словесно-мелодическом образе. А весь корпус церковнославянских богослужбных текстов для охранителей литургического предания есть единая небесная христологическая "икона", само созерцание и звучание которой совершает некое приобщение к сакральному. Чтение церковнославянских текстов для светских эстетов - это ещё и, своего рода, игра ума в словесный бисер, узнавание в них тонких оттенков смыслов, - некое духовное упражнение, доставляющее интеллектуальное наслаждение посвящённым в его понятийную тайну. Но, увы, многие богослужбные тексты недоступны для понимания большинства русскоязычных и нерусскоязычных мирян, и даже клириков.

Автор настоящей статьи, отнюдь не являясь сторонником замены церковнославянских текстов в богослужении, полагает, что певческо-поэтическое изложение некоторых богослужбных гимнов по-церковнорусски (т.е. с применением "родных" русскому языку церковнославянских слов) и **параллельное исполнение их с церковнославянскими песнопениями**, могло бы послужить как миссионерской цели богослужения, так и удовлетворению глубинной тяги верующих к постижению смысла церковных гимнов.

Например, херувимской песни или тропарей и ирмосов канонов праздников, которые, заметим, богослужбным уставом положено исполнять несколько раз и явно для уяснения их смысла. Кстати, нечто подобное уже имеет место в храмах РПЦ при пении, например, тропаря праздника св. Пасхи на малом входе Литургии, причём, на нескольких современных языках. Всем известно, что таковая полигlossия положительно воспринимается молящимися в храме.

+++++

Митрополит Ионафан (Елецких)

ОТВЕТ Н.Е. АФАНАСЬЕВОЙ ОБ УМЕСТНОСТИ БОГОСЛОВСКОЙ АНТИНОМИИ В ХЕРУВИМСКОЙ ПЕСНЕ

"Мы все, херувимов тайно образ являюще,... -да отринем все житейские попечения..., яко да Царя всех примем во копыеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя", -таков смысл одного из вариантов перевода херувимской песни митрополита Ионафана (Елецких) на церковнорусский язык.

Однако, фраза "тайно образ являюще" вызвала критику перевода со стороны светской славистики Н.Е. Афанасьевой, поскольку-де, по её убеждению, он содержит т.н. оксюморон (оксиморон), т.е. сочетание слов с противоположным взаимоисключающим значением (**являть** образ-икону херувимов **тайно**). Попутно заметим, что именно этот оксюморон напечатан в *официальном* славянизированном литургиконе для католиков византийского обряда.

К сожалению, формалистическое неверное суждение Н.Е. Афанасьевой усердно растиражировали некоторые "богословствующие" светские интернет-издания, вероятно в видах компрометации самого перевода богослужбных текстов или Священного Писания на родные языки.

Однако, не секрет, что в **высокой поэзии, в том числе и религиозной, оксюмороны суть алогические способы описания необъяснимой ситуации или некой онтологической реальности** ("И, мраком озарён, я светом тьму назвал".Иван Волосюк). И что в "сухой"

философии существует понятие единства противоречий (свет - волночастица). А в христианстве имеется понятие т.н. богословской антиномии, о которой писал в своих трудах о. Павел Флоренский (Бог Свет - Бог Мрак, Бого-Человечество Христа). Оксюморонами буквально испещрена православная святоотеческая гимнография (Матеро-Девственная слава Пресвятой Богородицы, Она же - Невеста Невестная).

Приходится предположить, что боязнь г-жи Н.Е. Афанасьевой оксюморонов в христианской поэзии есть мировоззренческий материалистический анахронизм, исключающий, в конечном итоге, самую реальность умонепостижимой духовной проекции в ткань сотворенного Богом материального мира (Церковь - Небо на земле).

В чине же Литургии верующие духовно (мистически, непостижимо для ума, символически, таинственно) уподобляются сонмам херувимов: вместе с ними они поют песнь Богу-Троице - "Свят(ой), Свят(ой), Свят(ой)!", как и херувимы отвергают всякое земное попечение, через уподобление таинственным херувимам они зримо, реально являют собой литургическую икону (образ) невидимых сонмов (чинов) ангелов, которые сопровождают Царя Христа и на которых на которых почивает Воплотившийся Сын Божий, Господь и Бог наш Иисус Христос.

Поэтому алогичный художественный оксюморон "тайно образ (икону) являюще...", объединяя противоположности в некоем надмирном смысловом единстве, несомненно, имеет полное богослужбное право на свою церковно-поэтическую жизнь в русских и иноязычных переводах херувимской песни.